

РЭНДИ СИНГЕР

**МЕРТВЫЕ АДВОКАТЫ
НЕ РАССКАЗЫВАЮТ СКАЗКИ**

ВИССОН LLC
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2016

Пролог

*Пятнадцать лет назад
Дамаск, Сирия*

Крики не прекращались.

Жалобные крики о помощи, которые врзались в уши. Голос просил. Умолял. Когда-то красивый и завораживающий, сейчас он был искажен болью и страхом. Это был голос Фатины Наджар, его возлюбленной. В ответ на очередной вопрос мучителей женщина торопливо выпалила по-арабски, что ничего не знает. Она находилась в соседней камере, такой же темной заплесневелой дыре, как и его. Пахло испражнениями и блевотиной. Они устроили все так, чтобы ему было слышно.

Сирийские охранники задавали вопросы с глухим раздражением:

- Ты работаешь на американское ЦРУ?
- Ты влюблена в господина Финикса?
- Что ты ему рассказала?

В их допросе был своеобразный дурной ритм. Шон заметил, что они сначала задают вопросы, а затем начинают обвинять. Голоса их были спокойны и сдержанны, чтобы Фатина поняла, что эмоции не являются частью игры. Из-за рыданий ее попытки оправдаться были едва слышны. Она умоляла поверить ей. Обвинения и оправдания продолжались с полчаса, быть может, чуть больше. Спокойные голоса обещали, что если она скажет правду, все тут же кончится.

Но она молчала. Она оставалась сильной. И верной.

Затем к звукам в соседней камере добавились новые громкие голоса, в которых звучала угроза. Они рассказывали Фатине, что последует дальше, и порой срывались на гневный крик.

Вновь слышались спокойные голоса:

— Мы не сможем помочь, если ты не скажешь правду.

Как раз в этот момент мужчина в камере Шона, огромный сирийский военный с растрепанной бородой и волосатой грудью, вытащил изо рта у пленника кляп. Ноги Шона были широко разведены, на лодыжки надеты кольца, прикрученные к полу. Руки также были растянуты и запястьями прикреплены к стене, так что тело его походило на большую букву Х.

Руки уже давно онемели. Но Шона охрана пока и пальцем не тронула. Он был американцем. Подозреваемым в работе на ЦРУ, но все же американцем. Он знал, что в данный момент Государственный департамент как раз втайне обсуждал вопрос его освобождения. Успех переговоров зависел в том числе от того, смогут ли они с Фатиной сохранить самообладание и не дать сирийцам никакой информации, за которую те могли бы зацепиться. Сколь бы ничтожны ни были шансы, он надеялся, что Госдепартамент договорится и об освобождении Фатины, хотя с этим могли возникнуть трудности. В любом случае, если она признается, их уже ничто не спасет.

Об этом он напоминал себе, когда было тяжелее всего. Его тюремщик погасил сигарету и встал, чтобы достать кляп, и в обеих камерах воцарилась тишина.

Он посмотрел Шону прямо в глаза — дыхание его было еще хуже, чем тошнотворный воздух камеры, — и потребовал ответа. При себе у него был диктофон, который он даже не подумал скрыть.

— Знаешь, что мы сделаем с твоей девчонкой? — спросил он. Голос его был ровным и спокойным, как будто речь шла о чем-то незначительном.

— Она ни при чем. И ничего не знает. Меня оставьте, а ее отпустите.

Сириец даже прихрюкнул:

— Ох уж эти американцы! Такие благородные. Такие героические. — Он помотал головой с деланой грустью. — И такие неспособные держать свои руки подальше от наших женщин.

Именно Шон был виноват в том, что пытали Фатину. Сначала они подружились, потом он завербовал девушку, а в итоге влюбился в нее. Теперь они с Шоном работали на ЦРУ. При помощи

своей красоты и обаяния она вытягивала секретные сведения из одного из самых влиятельных людей Сирии. По-арабски ее имя значило «пленительная, неутомимая сила, лишаящая покоя». Сирийский генерал, любивший похвастаться своими достижениями любовнице, на которую он так желал произвести впечатление, в полной мере ощутил на себе действие этой силы, и даже более того. Но когда он застал женщину с Шоном, все резко переменялось, и страсть превратилась в ненависть.

А теперь ненависть уступила место желанию поэкспериментировать. Как можно сломать Шона и Фатину? Как заставить их говорить?

— У тебя нервная любовница. Она любит отбиваться. Но мы постоянно меняем людей, — ухмыльнулся допрашивавший. Он находил извращенное удовольствие в созерцании той боли, которая читалась на лице Шона. — Мой американский друг, у тебя столько власти. Ты можешь прекратить немедленно все то, что я вынужден описать тебе столь подробно. Просто чтобы ты понял, что будет дальше. Только ты один во всем мире, — он поднял руку вверх, позволив себе немного напускного драматизма, — можешь прекратить мучения этого бедного создания.

Сириец оперся руками о стену за головой Шона и наклонился к своему пленнику:

— Ты работаешь на американское Центральное разведывательное управление?

Шон лишь помотал головой.

— Любишь женщину в соседней камере?

— Я же уже сказал. Мы любим друг друга. Это запрещено?

— Она делилась с тобой секретами?

— У всех есть свои секреты.

— Умно. Но ты знаешь, о чем я. — Мужчина шагнул назад и начал в мельчайших подробностях описывать надругательства и пытки, которым они собирались подвергнуть Фатину. Шон закрыл глаза и попытался отстраниться от образов, всплывавших в его воображении.

Закончив описывать ужасные картины, сириец дал Шону пару минут на размышления. Тот воспользовался моментом, чтобы прокричать Фатине несколько слов ободрения.

Сириец помотал головой и затолкал кляп обратно Шону в рот.

Когда крики Шона стихли, сириец обратился к мужчинам в соседней камере.

— Господин Финикс заявляет, что ничего не знает, — прокричал он. — Говорит, стоит порасспрашивать Фатину. Говорит, мы можем делать с ней что угодно.

Мужчина сел и снова закурил. Через пару минут возобновились страшные крики.

Допросы продолжались еще два дня. Потом Шона Финикса отпустили. Невредимым. Нетронутым. Угроза государственной безопасности миновала.

На инструктаже в посольстве США он узнал, что Госдепартамент отказался от каких-либо связей с Фатиной Наджар и заявил, что ему ничего неизвестно о ее отношениях с Шоном. Они даже не пытались вести переговоры о предоставлении ей политического убежища или надавить на сирийские власти с целью ее освобождения. Власти жестко обратились к Сирии с единственным требованием: освободить невинного американского бизнесмена Шона Финикса. По заявлению Госдепартамента, он не был американским шпионом. А любовь к сирийской женщине не является международным преступлением.

Эту тактику утвердили на высшем уровне. Директор ЦРУ лично проинструктировал команду, которая вела переговоры, чтобы они ничего не признавали. Он был уверен, что Шон и Фатина не расколются. Правая рука директора, адвокат и бюрократ, чья жизнь никогда не подвергалась опасности, убедил начальника, что переговоры об освобождении Фатины равносильны признанию в ее шпионаже. Международный скандал никому не был нужен. Порой приходится пожертвовать кем-то одним ради общего блага.

После инструктажа Шон вернулся в свою квартиру в центре Дамаска. Ему было приказано собраться и готовиться к вылету в США на следующий день. Вместо этого он разрабатывал план собственной войны. Во время ареста сирийцы конфисковали его оружие и патроны, так что придется обзавестись новыми на улицах Дамаска. И, хотя он не был специалистом по взрывчатке, собрать простую бомбу из удобрений смог бы. Рано утром он в оди-

ночку нападет на тюрьму. Он понимал, сколь ничтожны шансы на успех, но скорее погиб бы, пытаясь освободить Фатину, чем жил бы с мыслью о том, что ничего не сделал.

В полночь в его квартиру ворвались три агента. Они сообщили Шону, что его рейс перенесли. Разразилась громкая перебранка, переросшая в драку. Его выволокли из квартиры в бессознательном состоянии. Очнулся он на борту самолета, летевшего в Германию.

Спустя полчаса после прибытия на американскую землю Шон встретился лично с директором ЦРУ. Высокий чин назвал его героем и начал распинаться о жертвах, которые необходимо принести ради верховенства права. Он сожалел, что не может вручить Шону медаль, но не сомневался, что тот поймет. Анонимность была частью их сделки. А еще он сожалел, что не получилось сделать для Фатины больше, чем они смогли. Она не выжила.

Также директор разглагольствовал о том, что нужно дать Шону отпуск, а затем — новое задание и прибавку к зарплате. Но Шон сдал свое удостоверение. Выйдя из офиса, он составил список всех сирийцев и американцев, причастных к смерти Фатины. Он поклялся вычеркивать эти имена из списка по одному, пока возмездие не свершится.

Шону надоело слушать речи о верховенстве права и цене свободы. Его бесили эти напыщенные павлины, которые жили и работали в роскошных офисах, но только и могли что рассуждать о высоких принципах, которые они на самом деле ни во что не ставили.

Патриотизм. Демократия. Свобода. Все это были слова, с помощью которых власть имущие заставляли людей вроде Шона плясать под свою дудку. А когда людей у власти прижимали к стене, подобные Шону и Фатине становились расходным материалом. Списанным имуществом. Еще одной жертвой. Еще одним средством минимизации ущерба.

Шону Финиксу это надоело. Должно же быть что-то лучше.

1

Атланта, Джорджия

Лэндон Рид освобожден из двухлетнего тюремного заключения теплым и душным августовским утром. Он был одет в джинсы, серую футболку и сандалии, которые Керри привезла за день до этого. Лэндон прищурился и вышел из полумрака тюремного здания округа Фултон на яркий солнечный свет. В руках он держал бумажный пакет с костюмом и туфлями, которые были на нем в зале суда два года назад, когда он признал свою вину. Еще там лежали солнцезащитные очки, но он решил не надевать их, чтобы не создавать неправильного впечатления: мол, бывший квотербек, звезда колледжа, все еще пытается выглядеть крутым.

Свой срок он получил за организацию договорных матчей, поэтому неудивительно, что встречать его не приехал никто из бывшей команды, кроме лучшего друга и центрального игрока верзилы Билли Терстона. Пока Лэндон сидел за решеткой, Билли подписал контракт с «Грин-Бэй пакерз».

Репортеры встали полукругом перед Лэндоном, камеры фиксировали все происходящее. Те же репортеры, что распинали его два года назад, вернулись зафиксировать момент его освобождения и вновь подогреть гнев фанатов команды Юго-Восточного университета. Лэндон от них не скрывался. Он понес заслуженное наказание. В тюрьме он изменился, озлобленность уступила место раскаянию. Но он не ждал от людей понимания.

Обнимаясь с матерью и старшей сестрой, он держал себя в руках. Они не проронили ни слова, понимая, что камеры все фиксируют. Керри ждала своей очереди, как ждала все два года, —

верная данному слову, претерпевшая поношения от большинства старых друзей. У ее ноги стояла маленькая девочка, которая — Лэндон был в этом уверен — вырастет такой же волевой, независимой и красивой женщиной, как ее мама. Мэдди родилась, когда Лэндон уже был за решеткой. Ему еще ни разу не довелось поддерживать ее на руках вне стен тюрьмы.

Лэндон и Керри обо всем договорились. Они слегка обнимутся, потом Лэндон скажет прессе в нескольких словах, как он ценит верность Керри. Ответит на пару вопросов. Они будут вести себя сдержанно. Все эмоции останутся на потом.

Но когда Керри подошла к нему, чтобы обнять, все договоренности были забыты. Она разрыдалась. Неудержимые слезы катились и по его щекам. Керри уткнулась лицом в его плечо, объятия их длились намного дольше, чем планировалось. Малышка Мэдди оказалась между родителями, обхватив обоих руками за шею. Для прежнего Лэндона, лихого квортербека, каким он был три года назад, подобное проявление чувств было недопустимо. Но теперь он стал совсем другим. После того как тебя на виду у всей страны на протяжении нескольких месяцев полоскали в прессе, плакать на людях уже не страшно.

Вопросы посыпались еще до того, как маленькое семейство расцепило руки. Керри передала Мэдди Лэндону и повернулась лицом к репортерам. Девочка отвернулась от них и крепко вцепилась в отца. Для ребенка, которому еще не исполнилось двух лет, это было слишком.

— И какие у вас теперь планы?

— Вы собираетесь вернуться к карьере футболиста?

— Что-нибудь хотите сказать партнерам по команде и тренерам?

Лэндон отвечал всем по очереди:

— Наверняка моя футбольная карьера окончена. *Кто теперь меня возьмет?* Спасибо всем, кто оставался рядом все эти два года. — Он положил руку на плечо Керри и кивнул в сторону матери и сестры, стоявших по другую сторону от него. Его мать, от природы стройная женщина, теперь выглядела совсем худой, по ее лицу текли слезы. Заключение сына сильно состарило ее. — Прошу прощения, что подвел своих товарищей, тренеров и поклонников. Я понимаю, что никогда не смогу возместить ущерб, нанесенный Юго-Восточному университету и своей репутации. — Керри

высоко подняла голову, словно стояла рядом с принцем. Мать и сестра тоже не опускали взглядов. — Я особенно благодарен Керри за то, что она ждала меня все два года. Конечно, я не стал бы ее винить, уйди она к кому-то другому. Если говорить о том, что я собираюсь делать, то в первую очередь — укреплять наш союз.

Керри легонько сжала его запястье. Вопросы продолжали сыпаться, и он спокойно отвечал на каждый. Репортеры порой были очень циничны. Брак — это, конечно, хорошо, но как насчет возвращения на поле?

— То есть ни одна команда НФЛ не связалась с вами?

— Именно.

— Собираетесь ли вы попробовать вступить в какую-нибудь команду?

Билли Терстон решил, что этого достаточно. Он встал между Лэндоном и микрофонами и заговорил:

— Давайте уважать право этой семьи на личную жизнь и позволим господину Риду продолжить восстанавливать разрушенное. — Затем, как это часто бывало в прошлом, он расчистил дорогу своему квотербеку.

Репортеры просто решили, что должны повторять свои вопросы громче, и стали выкрикивать их в лицо Лэндону и другим, пробиравшимся к парковке. Лэндон не первый раз был в центре внимания и знал, что делать. Если уж решил, что пресс-конференция окончена, так опусти голову, не обращай внимания на журналистов и продолжай движение.

Они уже почти вырвались из окружения, как Лэндон заметил пожилого репортера Бобби Вулриджа из «Атланта джорнэл-конститьюшен». Он всегда был более чем честен. Бобби верил в исправление бывшего футболиста и пару месяцев назад написал статью о его обращении в тюрьме. Бобби дал понять, что не собирается, в отличие от остальных, продвигать себя за счет этого материала.

— Есть планы на служение? — негромко спросил он.

Лэндон слегка ухмыльнулся и продолжил движение:

— Нет, Бобби. Вряд ли я подхожу на роль служителя.

— Как вы собираетесь кормить семью?

— Что-нибудь придумаю, — ответил Лэндон. Он очень хотел рассказать Бобби. Рано или поздно все равно все узнают. Но они

с Керри уже все решили. Они будут держать свои планы в секрете, пока их не оставят в покое. В тюрьме он закончил-таки учебу. Они собирались начать новую жизнь вдали от Атланты, в городе, богатом на историю, но не на фанатов Юго-Восточной конференции*.

— Удачи, — улыбнулся Бобби.

Билли припарковал свой «лендровер» вторым рядом, так что все запрыгнули в машину, а репортерам оставалось лишь сделать пару последних снимков. Когда они немного отъехали, Лэндон почувствовал, как начало спадать напряжение. Он вновь был свободен. И мог делать что угодно.

— Куда теперь? — спросил Билли. — За пиццей? Бургерами? Или в университет? — Билли всегда рад был перекусить.

Но Лэндон должен был сдержать одно обещание.

— В церковь Троицы, — отозвался он. — У нас есть и друг жениха, и девочка, которая понесет цветы. Не стоит давать невесте возможность передумать.

Керри сидела позади с Мэдди. Наклонившись вперед, она взяла Лэндона за плечо.

— Она думала два года, — улыбнулась Керри. — И теперь не собирается просто убежать в страхе.

Шесть месяцев они планировали этот день, и Лэндон все не мог поверить, что он наступил. Конечно, это была не свадьба их мечты, но его подруге было уже все равно. Керри не поколебал даже отказ ее родителей приехать. Она сказала, что они вместе. Разве им нужен кто-то еще?

Днем служитель небольшой церкви, прихожанкой которой была Керри, официально обвенчал их. Керри Андерсон стала Керри Рид. И когда они дали обещание не расставаться ни в горе, ни в радости, служитель сделал небольшую паузу и повернулся к Керри.

— Ну, с этим вы уже справились, — проговорил он.

* Юго-Восточная конференция (Southeastern Conference, *сокр.* SEC) — американское студенческое спортивное объединение. В него входят 14 команд университетов, находящихся преимущественно на юге США. Считается одним из самых безупречных с точки зрения репутации и весьма успешным в финансовом отношении. — *Примеч. ред.*

Керри с Лэндоном улыбались. И не прекращали улыбаться, пока служитель не объявил их мужем и женой.

Чуть позже Керри сказала, что более романтичной свадьбы она и представить не могла. В небольшом храме их было всего семеро, и это придавало церемонии камерность. Керри призналась, что улыбалась, потому что все происходящее казалось ей совершенно нереальным, она даже порывалась ущипнуть себя. Они трое наконец-то становились официальной семьей. Она теперь миссис Лэндон Рид. Папа Мэдди наконец-то будет дома.

Лэндон так и не сказал, почему улыбался он. Ему, как и Керри, казалось, что он спит. Все два года за решеткой он боялся, что Керри в любой момент может передумать, найти себе кого-нибудь другого и сбежать. Она была красива, умна и оптимистична. Но всегда возвращалась. И теперь Лэндон женился на ней.

От этого любой мужчина заулыбается. Но было еще кое-что. Их медовый месяц начинался тем же вечером.